

глаза

Открыть глаза. Закрыть глаза. Снова открыть. Ничего, абсолютно ничего не меняется. Ничего. Слепота? Ее глаза больше не видят? Она вспомнила еще не очень давний урок физики. Фотоны. Училка по физике, Анна Аркадьевна, говорила про них, что это частицы света, что летят в пространстве. Что эти частицы и есть свет. Так вот, ни один фотон в это пространство, где сейчас она находилась, не залетел. Полная темнота. Непроглядная тьма. Тьма такая, словно у нее попросту не было глаз. А еще влажность, которая пробирает прохладой спину. Прохладная сырость и полная темнота. Да, она чувствовала, как промокли ее майка и трусы со спины. У нее еще и ступни ног, и особенно пальцы, чуть-чуть замерзли. А руки ее, которые она держала вдоль тела, нащупывали влажные комочки. Земля была сырой и рассыпалась под пальцами. И тут ей показалось, что по правой ноге ее что-то... кто-то ползет. Маленькие крючочки цепляются за ее кожу, цепляются и цепляются, настойчиво ползут вверх по ноге. Начали с голени и, цепляясь дальше, приближаются к колену. Девочка больше всего на свете не любила всяких жуков и вообще насекомых. Всех. А тут какой-то жучок, или кто еще там, ползет по ее ноге. Да еще в этом мраке она не могла поглядеть на него. Не могла увидеть ЭТО. Страх вперемешку

с омерзением. От УЖАСА девочка закричала, вернее, вскрикнула коротко, встряхнула ногу: сбросить, сбросить, сбросить эту дрянь с себя. Немедля. Она даже попыталась приподняться, чтобы стряхнуть это с ноги... В полном мраке девочка бьется зубами и губами обо что-то жесткое. На лицо сыплется песок и мелкие камушки, их мало, но теперь еще и песок скрипит на зубах, а во рту мерзкий привкус крови. Но ни песок, ни кровь, ни даже та тварь, что ползет по ее ноге, не вызывают в ней такого ужаса, как осознание того, что в этой крошечной тьме над ней что-то нависает. Большое, тяжелое, каменное. Она даже позабыла на время о том, что по ней кто-то ползает, теперь девочке было нужно... просто необходимо узнать, что это над ней, что под ней и где она вообще находится. И предчувствие чего-то ужасного зарождалось у нее в душе тем больше, чем больше она начинала осознавать себя, свое положение. Кажется, она просыпалась. Приходила в себя от глубокого, глубокого сна, в котором случилось что-то страшное. Мысли ее становились все четче. Темнота, сырая земля, нависающее над ней нечто, какая-то дрянь, ползающая по ноге.

Что это такое? Где она? Почему она здесь? Ведь вчера, девочка это сейчас отлично помнила, она ложилась в свою постель, в своей комнате, которую делила с двумя пятилетними братьями.

А теперь где она? Как она тут очутилась? Что это такое вокруг?

Та тварь уже доползла до колена. Девочку аж затрясло. В попытке стряхнуть ее она захотела согнуть колено и сразу ударилась им о камень, что нависал над ней. В том, что это был камень... ну или что-то такое же твердое и холодное, сомнений уже не оставалось. Девочка, на секунду позабыв про существо, что ползало по ноге, попыталась поднять руку, но опять ударилась, на сей раз костяшками пальцев. Камень, кажется,

был повсюду. Она поняла, и для этого ей не нужны были глаза, что лежит на сырой земле под огромным камнем, в полном мраке и сырости. Девочка проглотила слюну с привкусом крови, стиснула зубы, как будто боялась, что ее кто-нибудь услышит, и негромко завывала. Ничего другого она сейчас не могла сделать. Только выть. Но собственный вой еще больше напугал ее. Звук собственного голоса был отвратительным и пугающим, до ужаса глухим. Это был звук могилы. Девочка была уже достаточно взрослой и понимала, что такое смерть и могила. И это место казалось как раз тем, что могло так называться. Она поняла, что погребена. Ужас обрушился на нее горячей волной, да еще та тварь, что ползла по ней, кажется, решила, что ее нога выше колена — неплохая еда, или дом, или место для кладки яиц. Тварь начала весьма основательно, по-деловому, вгрызаться в кожу девочки. Не просто укусила вдруг, а именно стала вгрызаться, крепко и надежно вцепившись в кожу лапами-крючками, чем-то острым стала ее прокусывать, один укус за другим, один за другим. Помимо того, что ей было больно, это место еще и дико чесалось, но хуже всего то, что ей было страшно.

Страшно от того, что кто-то, хоть и невидимый, но явно мерзкий, настырно и усердно дырявит кожу. Какие-то мысли, попытки что-то понять и так были зыбки, эфемерны от заливающего душу ужаса, а тут и вовсе покинули ее. Она уже не могла ни понимать, ни думать, ни анализировать. Девочку затрясло, выгнуло. Ей надо во что бы то ни стало освободиться, выбраться отсюда. Выбраться, чего бы это ни стоило. Ее мозг разрывал ужас: тьма, прохладная сырость, могильные звуки, какая-то тварь на ноге и этот страшный камень, камень, почти придавивший ее к мерзкой и холодной земле! Девочку затрясла истерика, она сначала выгнулась, закричав что было сил, а от сдавленного и глухо-

го, поистине замогильного голоса ей стало еще хуже, еще страшнее. Она задергалась, лишь бы сбросить эту тварь с ноги. Дважды сильно ударилась лицом о камень, сначала бровью и еще раз зубами. Потом она попыталась дотянуться до вьедливой твари рукой, но лишь расцарапала в кровь костяшки пальцев. И лишь разбив о все тот же камень еще и колено, она все-таки сковырнула с себя это существо и, кажется, раздавила эту тварь. Но от этого легче почти не стало. Истерика прошла, вернее, затихла — девочка устала, растратив много сил. Она все еще лежала на влажной земле, и над ней все еще висел проклятый огромный камень. И ужас от осознания этого никуда не делся. Девочка была уже весьма самостоятельной, но тут это ровным счетом ничего не решало. Что ей делать, что? Умереть в этом ужасе?

Заснуть? Звать кого-то? Тут она не выдержала, заплакала и позвала... Конечно же, маму...

— Мама... — И, уже не пугаясь замогильного звука своего голоса, повторила: — Мама... — и больше ничего произнести не смогла. Теперь даже говорить ей не хотелось, она просто лежала без слез и стонов, подрагивала от холода и ожидания, что кусачая тварь вернется и снова вопьется в кожу. Больше ей, кажется, тут ждать было нечего.

Поэтому от того, что произошло в следующую секунду, она вздрогнула.

— Кто здесь? — раздалось в темноте.

Да! Да! Да! Кто-то ее спрашивал! Спрашивал чистым голосом, не приглушенным спертым воздухом могилы, не сдавленным от ужаса. Она даже дышать перестала от волнения.

«Мне это не послышалось, не послышалось», — убеждала себя девочка, собираясь что-то ответить. Но что? Как назло, ничего не шло в голову, а еще она побаивалась, что эти слова ей почудились, ответь она

на вопрос, ничего не произойдет и больше ничего она не услышит. И тут снова прозвучали слова, все тот же вопрос сказан был чистым голосом и тоном, которым говорят добрые люди, обязательно добрые люди.

— Здесь кто-то есть?

— Я... Я здесь, — почти закричала девочка, все еще боясь, что ей больше не ответят.

И опять звуки ее голоса были ужасны, а звуки отвечающего чисты и красивы.

— «Я»?.. — Пауза. — А есть ли у вас название? Имя? Вы имеете имя?

Девочку не удивил такой вопрос, ей сейчас вообще было не до удивления. И попытка выяснить название не показалась странной: она поспешила сообщить имя, она почему-то думала, что это важно:

— Я Света, Светлана Фомина.

— Света, Светлана Фомина, — как бы раздумывая, произнес некто тем же чистым голосом. А после опять спросил: — Вы находитесь ниже уровня горизонта, над вами грунт, вы там внизу от кого-то прячетесь?

— Нет, нет, — спешила ответить девочка, — я тут не прячусь... Я не знаю, как тут оказалась. Я не прячусь... Нет...

Она говорила быстро, едва не сбиваясь на рыдания. Светлана очень боялась, что обладатель красивого голоса вдруг перестанет с ней говорить.

— Вы хотите оттуда выбраться? Или мне это кажется?

— Нет, не кажется, не кажется... Я очень хочу отсюда выбраться! — Фомина уже почти кричала, и загробный звук голоса уже не пугал ее. — Я очень хочу! Не могли бы вы мне помочь... Или... Или позвать кого-нибудь на помощь?

— Не уверен, что смогу вам помочь... — Эти слова для Светланы прозвучали страшно. — И уж точно для

вас будет только хуже, если кто-то из местных обитателей прознает о вашем существовании.

— Что? — Светлана Фомина готова была снова сорваться в истерику. — Вы не можете мне помочь и не хотите никого позвать мне на помощь?

— Нет, вы не правы, я хочу вам помочь, но чем? Здесь, в месте, где я нахожусь и рядом с которым находитесь вы, лучше никому о вас не сообщать. Там, под грунтом, вы в безопасности.

— Я не нахожусь здесь в безопасности, не нахожусь, не нахожусь, — едва не кричала девочка. — Я хочу выбраться отсюда.

— Выбраться... Выбраться... — повторил голос как-то задумчиво. — Не думаю, что для вас это будет лучше, но я не буду брать на себя смелость и давать советы... — Некто чуть помолчал, еще раз напугав Светлану тишиной, и продолжил: — Мне отсюда не очень хорошо слышно, но поначалу мне показалось, что справа от вас есть полость, она заметно больше той полости, в которой находитесь вы.

— Полость? — Фомина не понимала, о чем ей говорит собеседник. — Полость?

— Да, теперь я могу сказать это с уверенностью, справа от вас есть пространство большего объема, чем то, в котором вы сейчас находитесь. Вам нужно двигаться правее от своей оси, если вы, конечно, не зафиксированы теми обломками, которые над вами. Вы можете двигаться?

— Двигаться? Да, кажется, я могу двигаться. Направо, да?

— Направо от вашей оси, если вы лежите полостью рта кверху.

«Полостью рта кверху»... Девочка не стала долго думать над этими словами и вытянула правую руку вдоль земли и, к своей радости, ни до чего не дотронулась.

— Мне туда ползти?

— Попробуйте. Там объем значительно больше того, в котором находитесь вы.

И Светлана, ударяясь коленками о камень, висящий над ней, стала по сантиметру, по сантиметру просачиваться вправо от себя.

Она все еще очень боялась, что голос исчезнет, и поэтому спрашивала:

— Я правильно ползу, вы меня видите?

— Я вас не вижу, но я слышу колебания воздуха, что вы производите, они становятся отчетливее, я слышу вас, думаю, вы преодолеваете пространство в правильном направлении.

Этот голос в полной тьме, в сырой прохладной могиле был для девочки единственным, что давало хоть какую-то надежду.

Он позволял ей не сойти с ума от страха, граничащего с паникой, и не провалиться в истерику от безысходности. Он для Светланы был словно маяк для корабля в беспросветной ночи, он давал ей направление к спасению. Она ползла лицом вверх, тяжело дышала, протискивалась между влажной землей и камнем, то и дело ударяясь о камень коленками. И один раз даже лбом. Но Светлана была очень рада тому, что все еще ни во что не уперлась по ходу своего движения. И тому, что голос ей отвечал.

— Я правильно ползу?

— Вы двигаетесь в правильном направлении, — слышала она все так же четко и хорошо.

И тут, когда она уже основательно сместилась вправо и случайно согнула колено больше, чем нужно... Колено вдруг не ударило о камень. Волнуясь, девочка проползла еще немного и смогла согнуть оба колена. Камень теперь был уже не так близок, как раньше, коленями она его не доставала. Девочка с замиранием сердца подняла руку. И, о чудо... рука выпрямилась до

конца, и только пальцы смогли прикоснуться к ненавистному камню. Она тут же перевернулась и села на колени, теперь лишь ее голова прикасалась к камню. Наконец-то она могла сидеть, жаль, что голову выпрямить было нельзя.

Светлана перевела дух, да, конечно, стало лучше. Пусть даже тьма так и осталась тьмою, но теперь она уже не была зажата в щели, теперь она могла двигаться. Например, обшарить темноту руками и ничего в ней не найти. Но тут же у нее возник вопрос, который она немедленно задала:

— А дальше мне куда?

— Дальше?

Девочка опять обрадовалась, услышав голос.

— Я не очень хорошо слышу, куда вам двигаться дальше, попробуйте повернуться направо, относительно своей оси... Градусов на восемьдесят.

Из всего сказанного девочка поняла лишь «повернуться направо».

Она сразу сделала это.

— Так?

— Да, вибрации стали четче, но попробуйте повернуться еще на двадцать градусов вправо.

— Так? — спросила она, еще чуть-чуть развернувшись.

— Да. Вот сейчас вы заняли идеальное направление, — прозвучал голос. — Теперь двигайтесь в этом направлении. Это путь на поверхность, если, конечно, вы считаете, что вам там будет лучше.

Она даже говорить на эту тему не стала. Что бы там ни было, тут Светлана оставаться не хотела точно. Девочка встала на четвереньки и поползла вперед, одной рукой шаря пред собой. Ей не хотелось налететь головой на камень. И хотя снова пространство перед ней сужалось, а каждые несколько пройденных метров она уточняла правильность своего направления, всякий раз

невидимый собеседник сообщал, что звуки ее голоса становятся четче. И она ползла дальше. Единственное, что пугало девочку — под колени и ладони стали попадаться живые, колючие, хрустящие жуки, которых она случайно давила и которые при этом пытались укусить. Это, судя по всему, были те же гадины, что и первая, пытавшаяся прогрызть ей ногу. Они, конечно, пугали Светлану, но точно не могли остановить, она ползла и ползла вперед.

Кусаки становились все больше и все злее. Один из таких, чуть хрустнув под левой ладонью, сначала впился в нее каким-то ее шипом, а потом вцепился в мизинец, да так, что она вскрикнула и остановилась, чтобы оторвать твердую и страшную тварь от руки. Оторвала ее с силой, уколотившись еще раз, и, забыв страх, сжала так, чтобы раздавить кусаку. Кинула колючую тварь куда-то в сторону и всхлипнула от боли в исколотых руках.

Самое ужасное было то, что она их не видела. И поэтому не могла избегать контактов с ними. Девочка опять всхлипнула.

— Вы приостановили движение? — донесся до нее голос.

— Я уже ползу, ползу, — ответила девочка, не без волнения опуская ладони на землю. — Тут просто какие-то жуки... Они колют руки и кусаются.

— Если вы рассчитываете на мою помощь в продолжении вашего пути наверх, то вам нужно торопиться, мое время тут истекает, вскоре мне нужно будет покинуть эту локацию.

«Покинуть локацию, покинуть локацию... это значит уйти?» Страх, который только что, кажется, покинул Светлану, снова вернулся.

— Нет, я прошу вас, не уходите, скажите мне... куда мне ползти. И не уходите... пока... — стала быстро говорить она.

— Вы уже значительно продвинулись вперед, теперь возьмите... градусов двадцать пять левее от вектора предыдущего движения.

— Налево повернуть?

— Да, градусов на двадцать пять. И двигайтесь.

Светлана поползла вперед:

— Я правильно ползу?

— Да, правильно, но вам нужно торопиться, мое время истекает.

И тут ей стало уже не до жуков, которые хрустели под ладонями и коленями. Она ползла вперед, и теперь только одно волновало девочку:

— А когда вы хотите... Когда вы уйдете?

— Когда мои силы закончатся, я буду вынужден вернуться к себе.

— А когда они закончатся?

— Вы еще можете располагать мной какое-то время, я постараюсь быть с вами как можно дольше.

«Какие силы закончатся... какое-то время... как можно дольше...» — это ей ни о чем не говорило. Впрочем, назови он точное количество минут, это Светлане тоже не сильно помогло бы: девочка понятия не имела, сколько она тут находится и как тут течет время. Она просто старалась ползти вперед быстрее, уже не обращая внимания на уколы хрустящих «колючек», которых становилось все больше. Кажется, они еще и шипели. Но ничего, ничего, она старалась не обращать на гадин внимания, лишь спрашивала:

— Я правильно ползу? Правильно?

И с радостью, и с надеждой слышала ободряющее:

— Вы двигаетесь в верном направлении.

Девочка уже смирилась с тем, что руки, колени и даже голени были исколоты, одну тварь, небольшую, Светлана,

не останавливаясь, вытряхнула из майки! Как она только туда забралась? Но пусть, пусть, лишь бы не добрались кусаки до лица. Ну и в трусы не забрались. Светлана торопилась, ей было не до кусак. А тут вдруг камень по ходу ее движения пошел вниз и вниз, вниз и вниз: сначала ей пришлось пригнуться, потом она поползла на животе, а потом... Камень опустился так низко к земле, что ей удавалось просунуть вперед только руку.

Она готова была зарыдать... закричать... возмущаться... Она была зла на голос.

— Тут нет пути! Нет прохода! Нет прохода, я тут не пролезу.

— Да, кажется, так и есть, — невозмутимо отвечал голос, — кажется, тот объем не соответствует вашим габаритам. Но вы не должны меня упрекать, я не могу видеть пространство вокруг вас, я лишь слышу колебания воздуха, которые вы производите.

— Но что же мне делать? — кричала Светлана, вытаскивая руку из щели, срывая с нее кусаку и давя его. — Что мне теперь-то делать?

Одна мысль, что ей придется остаться тут, в этой тьме, с этими омерзительными тварями, могла довести ее до самоубийства. Да было бы еще тут чем самоубиться! Но голос опять вселил в нее надежду:

— Мне кажется, область малых объемов перед вами не так уж и велика, вы сможете переместить некоторое количество грунта в обратную сторону от направления вашего движения?

— Что? — не поняла она.

— Грунт, как мне кажется, влажен, — продолжал голос, — его плотность невысока, попробуйте убрать часть его со своего пути. Если это вам удастся, то вы продвинетесь весьма значительно к выходу на поверхность.

— Мне надо рыть? — Светлана снова вытянула руку, согнула пальцы и загребла как можно больше сырой земли.

— Да, попробуйте убрать часть грунта со своего пути.

Светлана никогда до этого не копала землю руками, но, к счастью, земля была влажной и рыхлой. Девочка чуть отползла назад и начала выгребать из-под себя грунт из щели. Это было бы несложно, если бы не кусаки. Она едва начала разбираться с землей, едва уяснила, как ее выгребать на себя, как откидывать в сторону, как снова почувствовала «крючки» на голени правой ноги. Тварь поползла к икре, кажется, ища места, где кожа помягче. Пришлось отвлечься от земли и скинуть эту мерзость с ноги. И сразу снова за дело, снова выгребать землю из-под камня. Она торопилась, ей очень не хотелось, чтобы голос оставил ее. От неловкости и торопливости она ударилась головой о камень, приостановилась, переводя дыхание:

— Я правильно копаю?

— Да, вы продвигаетесь в правильном направлении, но вам нужно поторопиться, мне уже пора уходить.

— Нет-нет, подождите, я копаю, копаю...

Она снова начала выгребать землю, но, видимо, ее активность, а может, запах привлекли внимание подземных существ, или кусак тут попросту было больше. Маленькие колючие твари забирались на нее и куда-то деловито ползли или при первой возможности вшивались в руки, в ноги, в пальцы, в любое место, куда могли дотянуться. Это очень осложняло дело. Она протиснулась чуть вперед, стала подгребать под себя землю, чтобы собрать кучу побольше и потом выбросить ее из-под камня, вдруг — резкая боль. В левый мизинец ноги впились жвала кусаки. Пришлось выползти из щели, отрывать гадину от пальца, а она оказалась еще такой большой! И мизинцу было больно. Светлана от злости, уколос ладонь, раздавила тварь и отшвырнула ее в сторону. И, плача от обиды и боли, снова начала выбирать землю, расширяя проход. И чем дальше копала девочка, тем

этих неприятных существ становилось больше. В одном месте, в самом узком, где ее лицо было близко к земле, ловкий кусака запрыгнул ей на плечо и молниеносно перебрался на ухо. Светлана закричала! Быстро поползла обратно, схватила, оторвала эту мерзость от себя и, снова уколов руку, раздавила существо. Девочка вскрикнула, она очень хотела посмотреть на свои руки. Они болели, они были липкими то ли от ее крови, то ли от жидкости из жуков. Ладони исколоты, а некоторые проколы саднили, все-таки это от крови руки были липкими, а еще у нее болело под ногтями — это от земли, которой она уже выребла немало. И опять кусака пополз по ноге. И опять она услышала голос:

— Если вы рассчитываете на мою помощь, вам следует ускорить продвижение.

Девочке очень хотелось заплакать, но последний год жизни дал ей понять, что слезы почти не помогают делу. Она сорвала с себя кусака и снова полезла в щель под камень.

— Я правильно копаю? — со вскриком спросила она.

— Да, вы двигаетесь в правильном направлении. Но вам следует торопиться, я уже почти на пределе своих сил. Мне скоро придется покинуть вас.

Ничего другого, чтобы ускорить работу, ей говорить было не нужно.

Девочка уже не обращала внимания ни на боль в ногтях, ни на кусак, которых становилось все больше: она стала вырывать землю из-под камня не хуже настоящего крота. В мизинец левой ноги впился очередной кусака — от испуга, да и от боли, Светлана закричала, бросила работу на пару секунд, вылезла из прохода, оторвала тварь от пальца, отшвырнула в сторону, во мрак, и тут же поползла обратно за новой порцией земли. Ей нужно было во что бы то ни стало покинуть могилу, увидеть свет до того, как голос исчезнет, оставит ее.